

Зеркало
полюсичи

**НИНА
ШАЦКАЯ-
ФИЛАТОВА**

Любовь на Таганке

Прости... прощай, Таганка!
Биография любви

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4 + 85.33(2)
Ш32

Фото на переплете работы *Валерия Плотникова*

Дизайн *Андрея Фереца*

В оформлении книги использованы фото из личных архивов автора,
Валерия Плотникова и фондов ФГУП МИА «Россия сегодня»

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой
Аллу и Дениса Золотухиных

Шацкая-Филатова, Нина Сергеевна
Ш32 Любовь на Таганке: Прости... прощай, Таганка!; Биография
любви / Нина Шацкая-Филатова. — Москва : Издательство
АСТ, 2023. — 448 с.: ил. — (Зеркало памяти).

ISBN 978-5-17-156383-7

Нина Шацкая-Филатова (1940–2021) – заслуженная артистка России, на чьем счету множество ролей в театре и кино. У Юрия Любимова она играла в спектаклях «Добрый человек из Сезуана», «Товарищ, верь», «Мастер и Маргарита», «Тартюф» и других. По фильмам известна ролями в «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Чрезвычайное поручение», «Визит к Минотавру»...

Настоящую книгу составили два мемуарных произведения актрисы – «Прости... прощай, Таганка!» и «Биография любви».

Театр на Таганке стал для Нины Шацкой вторым домом, определил ее творческую судьбу, подарил замечательных коллег и друзей. Среди них Владимир Высоцкий, Алла Демидова, Вениамин Смехов, Феликс Антипов... Прекрасные страницы воспоминаний оставила она и о своем супруге, с которым вместе начинала здесь работать, Валерии Золотухине. В этом театре познакомилась с талантливым артистом Леонидом Филатовым – ему суждено было стать ее вторым мужем. Их связала не только страстная любовь, но и родство душ, общий интерес к театру, кинематографу, литературе. И она завораживающе и подробно рассказала о блестящем актере, поэте, авторе всеми любимой сказки «Про Федота-стрельца...», а также о почти двадцатилетней жизни Театра, билеты в который покупались заблаговременно, а все спектакли шли с неизменным аншлагом.

УДК 821.161.1-312.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-4 + 85.33(2)

ISBN 978-5-17-156383-7 © Шацкая-Филатова Н.С. (наследники), 2023
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2023

**ПРОСТИ...
ПРОЩАЙ,
ТАГАНКА!**

Слово к читателю

Когда-нибудь найдется
дотошный человек (а их немало
в России), который напишет
наконец-то историю Таганки.

Из интервью Леонида Филатова

Дорогой читатель, в этой книге я опускаю все, что касается анализа спектаклей, всецело полагаясь в этой области на уже сделанное критиками и другими артистами Театра на Таганке. А все здесь написанное — это мой и только мой эмоциональный взгляд на то, что происходило в Театре на Таганке с 1964 (года рождения театра) по 1992 год (когда в нем произошел раскол). Это был период, когда мы, артисты, гордились своим Домом, не подозревая, какую долю нам преподнесет Судьба, за что-то навсегда отвернувшаяся от своих нерадивых детей, но давшая им — спасибо, Господи! — 18-летнюю отсрочку до печального КОНЦА.

Счастливая память всегда со мной

Перестало биться сердце Ю.П.Любимова, перестал пульсировать его знаменитый фонарик — волевой сигнал на сцену, напоминающий нам, артистам, что мы должны соответствовать громкому имени одного из лучших театров мира...

Сейчас, по прошествии многих лет, я все чаще с невозможной нежностью вспоминаю ту мою Таганку, мою мини-Родину, которая долгие годы своими спектаклями завораживала умы и сердца наших зрителей.

На кухонной стене у меня среди множества фотографий — три с Юрием Петровичем Любимовым.

На одной — после многолетней разлуки возвращение его домой, в ТЕАТР... Счастливые лица артистов... Как озорно, взхлеб радуется сам Мастер, своей чудесной улыбкой и, казалось, вернувшейся молодостью одаривая всех нас, влюбленных в него артистов...

Другое фото — где я с непозволительной нежностью обнимаю его голову...

Третье — общее фото со всеми тогда присутствующими у нас с Лёней на квартире...

Под всеми фотографиями подпись Юрия Петровича: «Нине, Лёне — ваш Юрий Л.».

И, как в кино, в моей памяти — бесконечные кадры той любимовско-таганской жизни, брызжущей своей

молодостью, талантами, ненасытной жаждой творчества с обязательной отдачей его наэлектризованному залу.

Талантливая своей молодостью, моя двадцатичетырехлетняя Душа летела в театр, а я с удивительными чувствами озорства и радости еле за ней успевала...

Вспоминаю лица молодых артистов, молодого Любимова, его жену — Людмилу Васильевну Целиковскую, которая иногда под какие-нибудь театральные даты собирала нас у себя дома, где всегда было тепло, уютно и сытно.

Особенно запомнилась вечеринка у Людмилы Васильевны, где мы, артисты, справляли какой-то юбилей спектакля «Антимиры» по стихам Андрея Вознесенского. Вот только не помню, сколько спектаклей мы на тот момент сыграли — 200, 300, 400?

В этот незабываемый вечер Людмила Васильевна усадила меня около себя и почти все время рассказывала, как она когда-то ради больного маленького сына бросила все, и кино, и театр; убеждая и меня бросить театр ради моего сына Денечки, который тоже в это время болел, находясь на попечении моей мамы.

Артисты ели-пили, веселились, а я с грустью наблюдала за их безмятежным времяпровождением.

Меня настораживали настырные уговоры любимой актрисы бросить театр, и, что-то ей отвечая, я бросала усталые взгляды на счастливых коллег, и так хотелось завертеться в их хороводе. Но Людмила Васильевна держала меня около себя, не отпуская.

Веселья для меня на этот раз не случилось, но глаза запомнили этот вечер, где мои коллеги-артисты отдохнули душевно!

* * *

Мы с Валерием Золотухиным пришли показываться в театр после встречи где-то на улице с артистом Джабраиловым, который, почти вскипая, рассказывал нам о новом Театре на Таганке.

Решение созрело мгновенно, тем более что мне посчастливилось увидеть любимовский спектакль «Добрый человек из Сезуана» еще в стенах Щукинского училища — ошеломляющее, оглушительное впечатление!

Спектакль поражал своим новым стилем: исчезли классические декорации, артисты напрямую заговорили с нами, зрителями, через зонги, сообщая о наболевшем... Площадной театр, театр улиц...

Нет слов, которые могли бы описать мое состояние после окончания спектакля. «Бум» в театральном мире!

Конечно же, только в этот театр!..

Показывались в кабинете Любимова. «Всухую» спели-сыграли сцену из оперетты про какого-то Васю и какую-то Дусю. То, что пели без концертмейстера (не пришла, зараза), нас веселило, и после показа мы долго не могли успокоиться от смеха...

Перед тем как пойти на показ, мы решили скрыть, что мы муж и жена, и Любимов взял обоих — Золотухина и Шацкую.

Почти сразу мы получили роли в спектаклях: я сыграла большую роль в старом спектакле «Ох уж эти призраки» Эдуардо де Филиппо, а Валерий получил роль Грушницкого в новом любимовском спектакле «Герой нашего времени». Артисты только что приступили к репетициям. На роль Грушницкого актера не было, Золотухину повезло — явился вовремя.

И началась счастливая жизнь в лучшем театре Москвы и России.

Удивительно складывалась моя жизнь в Театре на Таганке.

Все роли я играла как Бог на душу положит. Любимов со мной никогда не работал. Но то, что я хотела, я играла. Юрий Петрович, думаю, как актрисе мне доверял. Я никогда не знала «застольного» периода, когда артисты начинали знакомиться с текстом будущего спектакля. Даже когда была выписана в составе с другой актрисой. Она читала, я — нет. Исключением был спектакль «А зори здесь тихие...».

Не устаю повторять: как бы Юрий Петрович по-человечески плохо к актеру ни относился, тот будет играть в спектакле, если победит в творческом соревновании. Ты — лучший, и ты играешь! И я играла то, что хотела, даже после того, как на общем собрании в театре я при всех его оскорбила, и он долгое время меня потом укорял:

«Зачем ты меня обидела, старого человека...»

В любом случае, я была неправа, хотя Любимов однажды так же несправедливо меня обидел.

Шли репетиции спектакля «Деревянные кони». Я была назначена на роль вместе с другой актрисой, для которой эта роль была «в десятку», а мне образ деревенской бабы не очень подходил. Но раз я назначена на роль, я работаю дома, и через некоторое время знаю, как играть, и могу показать свои наработки режиссеру.

Но... идут репетиции, работают все составы, и только я одна в темном зале таращу глаза на других актеров и все жду, жду, когда же Любимов пригласит на сцену

и меня. А спектакль почти готов, и скоро счастливый зритель увидит премьеру, а я продолжаю все чего-то ждать и только иногда молю Бога, чтобы режиссер все-таки обо мне вспомнил.

И вспомнил-таки, обрадовал. Я встрепенулась, и понеслось... Уже была сыграна роль Женьки Комельковой в спектакле «А зори здесь тихие...», то есть с сапогами проблем не было. Длинную юбку с платком взяла из спектакля «10 дней, которые потрясли мир». На голове соорудила послевоенную прическу — косички от уха до уха. Все! Я готова!

Но только я появилась на сцене, только открыла рот, как из зала услышала: «Что за черевички?! Что за березка на голове?!» И что-то еще недоброе неслось из зала, но поселившийся в горле комок не давал мне что-либо понимать и слышать...

Не переставая рыдать, не помня себя, я неслась домой и на целый год — прости, Господи! — затаила зло на Юрия Петровича, вплоть до собрания, где моя обида наконец-то вылилась, к сожалению, в грубой форме.

После настойчивых уговоров моих подруг я все-таки заставила себя прийти в кабинет к главному режиссеру с извинениями, после чего, похоже, я была прощена.

Несколько раз в «Деревянных конях» я все-таки сыграла, пока не сорвала голос на другом спектакле. И Маргариту в спектакле по роману М.Булгакова впоследствии я также сыграла, и долгое время была единственной исполнительницей этой роли, пока не загремела в больницу и на целый месяц не выпала из жизни театра.

Из дневника Золотухина: «У Шацкой, в отличие от меня, характер резкий, она не спускала Любимову

крика, отвечала так, что не приведи Господи. Ее судьба складывалась негладко».

Мое отношение к Юрию Петровичу как к режиссеру всегда было пиететным, как, впрочем, и у всего коллектива театра. А вот человеческие его качества мне, мягко скажем, были неприятны. Не раз он на репетициях демонстрировал свое хамское отношение к какому-нибудь артисту или артистке. Но при этом я всегда понимала, что он выдающийся Мастер и что только с ним театр будет оставаться Театром на Таганке. Поэтому, как и все, я в годы его отсутствия ждала и с радостью встречала его после семилетней разлуки с нами и с театром. Отсюда и фотография на моей кухонной стене, где я пылко его обнимаю...

* * *

Ах, какое дивное было время! Молодой еще Любимов, всего-то на двадцать с небольшим старше нас, не брезгующий после премьер очередных спектаклей хорошо «принять на грудь», дарящий нам, артистам, свою любовь. И мы охотно отвечали ему своей благодарной любовью.

Господи! Какие счастливые были первые годы нашей театральной жизни!

Спасибо Памяти, которая живо восстанавливает картины далеких прошлых лет.

— Черт чулидный, хватит орать!

— А ну слазивай!..

— Тащи его, ребята!..

— Чего трещишь? — не пойдем!..

Это реплики на спектакле «10 дней, которые потрясли мир» по Джону Риду.

Последняя сцена спектакля. Все актеры на сцене... революционное буйство... Ораторы от разных партий сменяют друг друга, а безумная, оглашенная толпа, то есть мы, артисты, стаскиваем их с трибуны. Кого-то уносят на вытянутых руках, и он хохочет, потому что его снизу кто-то пытается щекотать. Короче, всем весело. И буйство получалось очень органично, потому как (только на этом спектакле!) даже мы, актрисы, позволяли себе «неплохо подзарядиться».

И вдруг на одном из представлений наш дикий ор в массовке смешался с гусиным шипением:

— Тише! Тише! Тише! Любимов на сцене ходит среди нас в телогрейке!..

Все услышали, и, конечно же, бесконтрольное буйство приобрело нужные рамки.

После окончания спектакля кое-кто все-таки получал хорошую порцию нагоняя.

Но нагоняй нагоняем, а приятному времяпровождению мы изменять не собирались. Понимали: спектакль не становился хуже, а энергетически, как нам казалось, даже выигрывал.

Нередко это сценическое буйство продолжалось уже после спектакля, в грим-уборной. Правда, менее оголтелое, с «блаблаканьем» и разными сплетнями. Крепкие напитки веселили язык, и при этом как отдыхала душа! Как счастливы мы были!

Но были (и это правда!) редкие моменты, когда так не хотелось прощаться с удачно начавшимися посиделками...

Душа, бунтуя от однообразия тогдашней повседневности, взрывалась, и поэтому чей-то подпертый веселой энергетикой вопрос: может быть, в «Каму»? — получал счастливый положительный отклик.

Ну куда же еще? Конечно, в «Каму», наше придворное заведение — ресторан, где артисты после спектаклей разрешали себе немного отдохнуть, расслабиться.

Мы только что отыграли спектакль «А зори здесь тихие...».

Ноги, будто впрыгнув в сапожки Маленького Мука, в одно мгновение оказывались за свободным столиком родного ресторана.

Бутылка шампанского и графин водки быстро опустошались, игнорируя незамысловатую закуску, заменяя ее на сигаретное удовольствие.

Выпили, покурили, наступала очередь давно поющей Души. И она запела! И мы, голосистые зенитчицы из спектакля — Зоя Пыльнова, Таня Жукова, Ира Кузнецова и еще кто-то, начинали тихо, на несколько голосов затягивать что-то из русских романсов, которые под натиском алкогольного азарта вскоре плавно переходили на другой уровень громкости, и уже в зале во всю мощь включались голоса с цыганским акцентом.

Пели самозабвенно, на радость близ сидящим людям, многие из которых были счастливыми зрителями сыгранного спектакля, и которые своими бутылками — «от нашего стола вашему» — естественным образом продлевали наше веселое застолье.

* * *

Историю закрытия «Камы» я не знаю, но ресторан очень скоро был забыт в пользу по-домашнему уютного кафе, которое находилось на этой же улице Радищевской, следом за «Камой». «Гробики» — так мы, артисты, окрестили эту милую кафешку, которая появилась